

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1927

Проблемы и достижения боснийской туркологии.

История славянских народов настолько тесно связана с историей турок в их различных племенных разветвлениях, что даже самое поверхностное обозрение славянского прошлого неминуемо затрагивает те или иные факты государственного развития отдельных турецких народностей. Если без этого дополнительного материала невозможно построить даже политической истории славянских народов, то исследование истории славянской культуры и языка потребует еще большего углубления в смежную область. Словарь восточных, южных и отчасти западных славянских наречий пропитан турцизмами, которые усваивались в течение столетий и в целом ряде языков (болгарский, сербский, русский) гораздо теснее примкнули к их исконному лексическому материалу, чем западно-европейские заимствования. Поэтому все серьезные начинания в области славянского словаря (русский академический словарь, болгарские словари Дювернуа и Герова, сербский — В. Караджича и др.) неизбежно вели к турецким лексическим материалам. Туда же вели отдельные, привнесенные факты из турецкой фонетики, морфологии и даже синтаксиса (ср. работы Ф. Миклошича о грамматическом взаимодействии турецкого и славянских языков); последнее, правда в полной мере применимо только к южно-славянским языкам и значительно слабее подтверждается в других славянских группах. Те же балканские славяне, язык коих так тесно соприкасается с турецким, удержали наибольшее количество переживаний из турецкого быта, и если их народная словесность хранит свежую память о турецком господстве, то их территория хранит целый сонм более прозаических и более доказательных — вещественных памятников этого господства. Таким образом можно сказать, что Балканы — это такой же туркологический музей, как, например, Анатолия или Туркестан. Естественно вытекающая отсюда обязанность для каждого вдумчивого турколога и, особенно, специалиста по южно-турецкой группе языков — присматриваться к фактам балканской культуры и, когда нужно, апеллировать к ним, поскольку это в каждом отдельном случае соответствует данным историко-сравнительного метода.

Прикладная туркология, которая была как бы спутницей славяноведения и для которой изучение турецкой культуры являлось не самоцелью, а только средством к достижению другой цели, — уже дала ряд ценных трудов, которые должны занять подобающее место в истории османистики, хотя, быть-может, некоторые из них почти неизвестны туркологам (ср. работу Ихчиева, опубликовавшего в 1910 г. в Софии богатейшее собрание турецких ферманов, хранящихся в Рильском монастыре).¹ Но балканско-славянская наука имеет и особую область, где изучение турецкого мира стоит в центре внимания и где, следовательно, ведется работа, примыкающая по методу к исследованиям русской, венгерской, немецкой, французской, австрийской и др. туркологических школ мира. Здесь мы имеем в виду боснийскую туркологическую школу, которая в настоящий момент, т. е. на 48-й год своего существования, уже вполне заслуживает такой аттестации. Как и в других европейских школах, чистая туркология возникла здесь из утилитарных жизненных побуждений, т. к. турецкий мир был родной стихией для отуреченных боснийцев-мухаммедан; впоследствии этот интерес к родной старине в союзе с европейским методом филологического исследования, который принесли боснийские ученые, воспитанные в австрийских и др. университетах, дал первые плоды местных научных изысканий. Те же требования жизни определили и фокус внимания боснийских туркологов — османистику, так как на Балканах, естественно, понятия «турок» и «османец» были синонимичны, и те же требования жизни, наконец, заставили изучать не одну какую-либо отрасль османистики (язык, литература и проч.), а все те факты прошлого, иногда настоящего, которые поступили из османской истории культуры в ее Боснийский Музей. И как бы символом этого грандиозного музея, насыщенного реликвиями османской старины, явился тот музей в Сараеве, который стал центром туркологического движения в Боснии и Герцеговине.

Деятельность этого учреждения, которая выступает в его периодических изданиях 1) Гласник Земальског Музеја у Босни и Херцеговини = *Glasnik Zemaljskog Muzeja u Bosni i Hercegovini* (выходит на 2-х шрифтах — сербском и хорватском) и 2) *Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und*

¹ Книга эта отсутствует в библиотеках; я пользовался личным экземпляром проф. А. М. Селищева, который в этом случае, как и всегда, охотно шел навстречу моим занятиям по *Turco-Slavica* и давал ценные библиографические указания.

Кроме отдельных изданий в роде книги Ихчиева необходимо иметь в виду большой материал, рассеянный по разным периодическим изданиям славянских ученых обществ; туркологические материалы находятся даже в полупопулярных журналах (напр. «Јужна Србија» за последние годы) — вплоть до сочинений типа «Источно благо» или *جواهر شرقيه*, где Mehmed beg Kapetanović-Ljubušak дает в переводе турецкие, персидские и арабские сентенции с целью их популяризации (издано в Сараеве, 1896).

der Herzegovina (оба начали издаваться с 1889 г.), — говорит о том, что этот культурный очаг, несмотря на скромное название (Земский музей — Zemaljski Muzej) является живым и действительным центром боснийской туркологии. Поэтому для ознакомления с отдельными фазами ее развития следует обратиться к рассмотрению отдельных томов Гласника и Mitteilungen, которые, поскольку нам известно, до настоящего времени туркологами, по крайней мере русскими, в их работах не привлекались. Нужно, однако, сделать оговорку, что затрудненные сношения с Юго-Славией, которые наблюдаются за последние годы, не позволяют судить о всем относящемся сюда материале и ограничивают наше поле зрения 1922 годом.

Прежде чем говорить об отдельных работах боснийских туркологов, будет уместно представить задачи боснийской туркологии в их общей схеме, вкратце обрисовать те цели и методы, которые сообщают боснийской школе ее специфическую окраску среди других научных школ туркологии. Один из видных деятелей боснийской школы D-г Safvet beg Bašagić говорит (Glasnik, т. XXXI, 1919 г., стр. 165), что на ее обязанности лежит освещать участие боснийцев в развитии мусульманской культуры, издавать классические мусульманские произведения боснийских авторов и воспитывать на этих образцах молодое поколение, для которого, по словам Башагича восточные классики гораздо ближе, чем для их европейских сверстников.¹ Все эти задачи он предполагал возложить на «Общество по изучению востока» (Društvo za poznavanje Istoka), созданное при материальной поддержке других ученых обществ, или на особую секцию при одной из местных (т. е. юго-славянских) Академий. Эти мысли, изложенные в 1919 г., в то время еще были пожеланиями (как, повидимому, и теперь, хотя самого последнего материала у нас нет), но востоковедная жизнь уже была направлена по несколько иному руслу. Именно, 2-я часть программы (развитие ориенталистики при каком-либо из действующих учреждений) была осуществлена таким образом, что Земский Музей в Сараеве принял эту функцию на себя, причем, конечно, общие задачи (в роде формулы Башагича) были введены в рамки музейного устава (статут Музея и описание его организации даны в юбилейном — XXV томе за 1913 г., стр. 236; там же изложена и

¹ «treba zainteresovati učena društva na slavenskom Jugu, da moralno i materialno potpomognu osnovati «Društvo za poznavanje Istoka», ili da koja naša akademija za to stvori jednu sekciju i organizuje radenike za izdavanje i prevadanje djela, koja su pisali naši djedovi u islamskim jezicima», (стр. 165).

«Ne samo da mislim nego vjerujem, da biše prevodi arapskih i perzijskih klasika blagotvorno djelovali na naš savremeni i mladi naraštaj. Naša narodna lirika miriše istočnim duhom, za to bi mi imali više razumijevanja i smisla za istočne klasike, nego li drugi evropski narodi», (ibid., стр. 166.).

предшествующая история органов музея — *Glasnik'a* и *Mitteilungen*). Отсюда в дальнейшем главное внимание боснийских туркологов направляется скорее в сторону археологии и истории (с нумизматикой и палеографией), чем в сторону литературы и языка, хотя последнее тоже входит в программу. Правда, в тезисах Башагича, как мы видели, литературе и языку отводилось первое место, но тем не менее боснийские туркологи из мусульман (Башагич, Мудеризович, Кемура и др.) примкнули к основной группе музейных деятелей (из не-мусульман: Херман, Трухелка и др.), сторонников археологического исследования, и общими усилиями дали ряд ценных открытий. Методологическая разница между 1-й и 2-й, более квалифицированной, группой, впоследствии как-то стерлась; разница осталась, пожалуй, в выборе материала, т. к. туркологи-мусульмане интересовались более памятниками текста, чем вещественными памятниками, и брали свой объект изучения скорее из семейных коллекций и рукописных собраний, чем из общественных архивов, куда обратила свои взоры та часть туркологов не-мусульман, которая была воспитана на немецких образцах и методах. Эти две взаимно дополняющие друг друга группы сумели так слиться в общей работе, что результаты ее представляются чем-то единым по своему направлению. Общие усилия всех этих, довольно многочисленных, представителей туркологии были направлены на следующее: 1) археология и история (описание и опубликование памятников турецкой эпохи), куда примыкают обследования в области нумизматики и искусства, 2) этнография и право, 3) дипломатика и палеография, 4) история литературы, 5) язык. Все эти черты нашли себе богатое отражение в изданиях музея, и хотя журнал формально включал и другие отделы (минералогия, ботаника и проч.), ориенталистика преобладала даже с внешней стороны, и почти все статьи, кроме естественно-научных, испещрены турецкими текстами и переводами. Эта пресыщенность фактическим материалом и обилие документальных данных, часто имеющих не только местный, боснийский, но и общетуркологический интерес, делают издания музея особенно ценными в конкретных вопросах османской грамматики, лексики, диалектологии и т. д.

В кратком обзоре трудно дать равномерное представление о всех достижениях боснийской туркологии, но все же попытаемся обрисовать хотя бы главнейшие факты из того богатого материала, который опубликовала боснийская школа.

Из работ исторического содержания, изданных в *Glasnik'e*, обращает на себя внимание статья *Kapitanović Ljubušak Mehmed beg'a* — «*Carski zet veliki vezir Rustem paša*» (т. VI 1894 г. стр. 195 сл.), где дается биография боснийца Рустема-паши, который в восьмилетнем воз-

расте был пленен турками и впоследствии стал зятем султана Сулеймана Великолепного. Весьма интересна также биография «Ахмет паша Херцеговић'а», которую дал в том же выпуске (стр. 361) Карло Пец (Pecz). В т. IX (1897, стр. 561) помещено любопытное исследование В. С. Џонић'а «Султан Џем, син Мухамеда II» — подробная биография и библиографическая сводка данных о Джеме. К той же серии работ относятся: Vjekoslav Jelavić «Veliki vezir Ahmet Ćuprilić» (т. XII, 1900, стр. 195 сл.) и его же «Pazvan-oglu od Vidina» (т. XVIII, стр. 173 сл.), Ćiro Truhelka — «Gazi Husrefbeg, njegov život i njegovo doba» (т. XXIV, 1912, стр. 91—234).¹ Все эти и другие жизнеописания турецких государственных деятелей из славян включают в себя богатый фактический материал и документы (в факсимиле и переводах). Ряд статей посвящен исключительно дипломатике; сюда относятся: К. Херман «Диплом султана Газип-Ахмет-хана» (документ 1127 г. х = 1714 г., т. IV, 1892), где дан фотографический снимок и перевод фермана, который получили от Ахмеда III-го представители Дубровницкой республики, Kadić efendija Ali «Ferman sultana Selima III o providbi broda l'Onorato Bocchese» (т. VI, 1894, стр. 783 сл.), где издан в факсимиле редкий документ, выданный в 1804 г. Селимом III-м итальянскому судну l'Onorato Bocchese на право навигации в Средиземном море. Весьма интересный материал опубликован S. b. Vašagić'em под заглавием «Najstariji ferman begova Ćengića» (т. IX, стр. 437 сл.), где приводятся факсимиле и перевод документа на персидском языке, выданного в 1498 г. представителем династии Ак-Коюнлу Абуль-Музаффар Касимом князю Исфендияру. В статье Alfons Ravich pl. Pfauenthal «Prinosi povjesti Poljica» (т. XV, 1903 г.) изданы ферманы султана Мехмеда III. Ряд не опубликованных прежде документов содержится в статье Kemura Sejfuddin «Turski dokumenti za povjest bosanskih katolika» (XXI, 559). Интересные для османиста документы и замечания находятся в исследовании Horvat'a «Novi historijski spomenici za povjest Bosne i susjednih zemalja» (XXI, 1909), Трухелка Ђ. «Стара хришћанска црква у Сарајеву» (XXIII, 1911, стр. 298 сл.), Кемура Сейфуддин «Прилози за историју православне цркве у Босни и Херцеговини у XVIII и XIX столећа» (XXIV, 1912, стр. 413 сл.), Ђоровић В. «Из дневника Прокопије Чокорила» (XXV, 1913). Документы первостепенной важности для истории Дубровника издал Ђ. Трухелка в статье «Tursko-slovjenski spomenici dub-

¹ Знаменитый боснийский вали XV в., именем которого называется мечеть в Сараеве. Биографии известных мусульман славянского происхождения уже давно привлекали к себе интерес в славянских кругах. Ср. известную книгу Миленко Вукићевић'а Знатни Срби Мухамеданци, Београд, 1901 г.

govačke archive»¹ (XXIII, 1913, стр. 1 сл., 303 сл., 437 сл.); из 180-ти документов, помещенных здесь в переводе и транскрипции, некоторые даны также в факсимиле (1-й из них — ферман султана Мюрада Дубровнику, датированный 1403-м годом). Турецкий подлинник и перевод *قننامہ* Хусревбега издан Трухелка в упомянутой уже статье (XXIV, 1912, стр. 92 сл.). Не меньшее значение имеет и другая монография того же автора «*Rabirci iz jednog sidžila*»; там изданы хранящиеся в местном музее служебные записи кадия гор. Јајса с копиями старых документов на полях. Документ по поводу событий 1632 г. (свержение великого везира Хафиз-паши янычарами на глазах у султана) детальнее и обширнее того, что дает Hammer (*Geschichte des Osm. Reiches*, III, 100). «*Sidžil*» содержит много любопытного по внутренней организации «*kadiluka*»; приводятся нотариальные пометки, записи о браке и «бююрултии» местных властей, даются сведения о пограничных неурядицах и культуре Боснии в XVII в. Интересно место, трактующее об этнографии цыган, которые называются здесь *kiptijan tajfesi* (египтяне). Заслуживает упоминания и «*Kronika Mula Mustafe Bašeskije*», переведенная с турецкого Мудеризовичем (XXX, 1918, стр. 29 сл.) и содержащая историю Боснии с 1747 г. по 1802 г. Оригинал, т. наз. «*Bašeskijina međtina*» хранится в сараевской библиотеке Гази Хусревбега. В след. (XXXI) томе тот же издатель публикует интересные «*Nekrologi Mula Mustafe Bašeskije*», где содержатся реестры мусульманских покойников Боснии за срок с 15/IX 1757 по 4/V 1802. Тому же Мудеризовичу принадлежит статья «*Jedan popis sarajevskih janjičara iz ročetka XIX vijeka*», где помимо реестра янычар, награжденных за отличия одеждой с плеча валиев (*hilat*), даются сведения об организации янычар, их иерархии («оджаклы, алемдар'ы» и пр.), истории янычарского корпуса и тех исторических реликвиях, которые сохранились от них в Боснии до настоящего времени. Последний, т. е. археологический, уклон ярко выступает в ряде статей Трухелка: «*Grobница bosanskog tepčije Batala, obrjetena kod Gornjeg Turbeta*» (XXVII, стр. 365 сл.), «*Osvrt na sredovječne kulturne spomenice Bosne*» (XXVI, стр. 222 сл.), где в числе средневековых боснийских памятников описаны также и турецкие; в работах: Вејсил Ћурчић'а «*Kaciga Mehmed paše Sokolovića, velikog vezira*» (XIX), Р. Мирковић'а, «*Turbe hazreti Alije*» (II, 1890, стр. 42—3), где описана могила местного мусульманского святого Али и связанная с ней легенда, и Стевана Делић'а «*Ћунпуја на Мосту*» (архе-

¹ Ссылку на них находим в капитальной работе австрийского турколога Fr. Kraeclitz «*Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der zweiten Hälfte des 15 Jahrhunderts*» (стр. 6, 7); там же отмечено, что помимо изданных Трухелка дубровницких документов 15 в. в местном архиве находятся, по словам Трухелка, до 1000 несистематизированных османских исторических документов под общим заглавием «*Acta Turcica*» (ibid. стр. 6, прим. 1).

ологический памятник из эпохи турецкого ига; см. т. III, 1891, стр. 115). К этому разряду работ очень тесно примыкают статьи по турецко-мусульманскому искусству, которое изучается по тем же памятникам. Этому вопросу уделяют место след. монографии: К. Hörmann'a «Hadži-begova kula u Hutovu» (т. II, 1890, стр. 165), М. Kalabić'a «Hadži Sinanova tekija» (ibidem, стр. 143 сл.), Трѣић'a Бјелокосић'a Лука «Мезар гази-дјевојке» (II, 316), работа 3-х авторов Zaržycki, Arndt i Stratimirović «Aladža-džamija u Foći», где приводятся турецкие надписи здания с переводом их, а также архитектурные планы и чертежи. Далее изучению мусульманских памятников искусства в Сараеве посвящена интересная статья Kemura Sejfuđdin'a «Javne muslimanske gradjevine u Sarajevu» с массой турецких текстов и документов (XX, стр. 475 сл.) и его же «Sarajevske džamije i druge javne zgrade turske dobe», где издано большое количество надписей в мечети и документов в факсимиле. Кроме искусства, археологический интерес боснийских туркологов направлялся также по руслу нумизматики, и здесь мы имеем несколько ценных публикаций: Truhelka «Zanimiv turski novac kovani u Sarajevu» (о турецкой монете XVII-го века местной чеканки; см. I, 1889, стр. 57—9), его же «Još jedan u Bosni kovani turski novac» (тоже XVII в), о чем VI, 1894, стр. 419—20, и, наконец, его же «Jedan nalaz turskih akči iz Macedonije» (XXXI, 1919), которая представляет своего рода нумизматическое откровение; здесь описана найденная в Македонии коллекция турецких серебряных денег (1034 экз.), и даны подробные сведения об истории и постановке чеканного дела в Турции, о типах монет, специальной терминологии и эволюции монетного веса; кроме того воспроизведены образцы монет (в натуральную величину) и приведена скудная европейская и османская литература предмета. Сфрагистика, которая в применении к османско-турецкой культуре может считаться совершенно неразработанной, также находит себе подобающее место на страницах Glasnik'a. Этим вопросом занимались: Kosta Hörmann «Stari drveni muhur» (V, 1893, стр. 669), где дана фотография и описание турецкой официальной печати, сделанной в Боснии в 1463 г. в период известного вали Гази-Хусрев-бега, и Мудеризович, который поместил в т. XXVIII (1916, ч. 1 и 2) также единственную в своем роде статью на тему «Nekoliko muhurova bosanskih valija». Здесь даны репродукции именных перстней-печатей боснийских валиев, начиная с момента покорения Боснии и кончая последним вали, который сдал провинцию австрийской администрации. Автор выясняет понятие «bujurgultija» (بيورگولتي) и роль губернаторского перстня-печати в официальном обиходе Турции, а также обрисовывает техническую сторону изготовления «muhur» (مهر). Далее идет опись печатей

с транскрипцией и переводом их текста, а также биографические сведения о соответствующем вали. Интересно, что как сама резьба, так и надписи не свободны от шаблона и часто представляют близкие варианты одного и того же, обычно стихотворного, текста на арабском, персидском и османском языках.

В области истории права боснийская школа также опубликовала ряд до толе неизвестных документов. Здесь, помимо общих обзоров в роде Џ. Трухелка «Državno i sudbeno ustrojstvo Bosne u doba prije Turaka» (XIII, 1901, стр. 71 сл., 152 сл.), Mitrović'a «Pravni običaji u našem narodu» (с библиографией; т. XXIV, 1912, стр. 525), Thallószу L. «Hrvatsko običajno pravo od godine 1551 i 1553», — даны специальные работы, как-то: Spaħo «Turski rudarski zakoni» (XXV, 1918), где издан текст и перевод из анонимного сборника турецких законов, хранящегося в музее. Среди них находится один датированный закон о рудниках (943 г. х. = 1536 г.) и два недатированных; подобные тур. законы по горному делу до сих пор нигде не были опубликованы. На близкую тему написана работа Мудеризовича «Bosanski majdani za turske uprave» (XXX, 1918, стр. 21 сл.), составленная по архивным материалам. Свои выводы автор основывает на горном законе Сулеймана Великолепного и 3-х законах, изданных Спаħо, о которых только что была речь; статья дает историю эксплуатации и описание боснийских рудников, размер добычи металлов и их экспорта, а также подробную турецкую терминологию по технике горного дела. В туркологии эта статья является единственной. Еще большее значение имеет классическое исследование Трухелка о турецких аграрных законах, которое за границей давно пользуется заслуженной репутацией. Эта большая работа, озаглавленная «Historička podloga agrarnog pitanja u Bosni», вышла в 1915 г. (XXVII, стр. 125 сл.).¹ После библиографии и общего введения по истории землевладения в Боснии автор переходит к турецкой эпохе и турецкому аграрному законодательству. Турецкий земельный кодекс, который Трухелка имел в 14-ти списках, иллюстрирован большими отрывками, чем это сделано в старой работе Hammer'a «Osmanische Staatsverfassung». Отдельная глава посвящена социальному строю Турции (Društvena struktura u Turskoj), военным ленам (viteška i vojnička lena) и праву «тапу» (Tapu, осм. طابو). «Dodatak» содержит выдержки из законов и, в частности, новый текст из «Stari popis zemalja carskoga hasa u Foči» (по оригиналу, хранящемуся в городской библиотеке Дубровника). Подробнейшая турецкая земельная терминология с комментариями делает

¹ Она же вышла отдельной книгой на немецком яз. «Die geschichtliche Grundlage der bosnischen Agrarfrage» в Сараеве еще в 1911 г.

эту работу необходимой для всякого, кто будет серьезно заниматься аграрным вопросом в Турции. Через 2 года (т. XXVIII) тот же автор обнаружил замечательный документ «*Stari turski agrarni zakonik za Bosnu*». Рукопись эта (90 стр. in 8°) по содержанию распадается на 2 части: 1) законы и 2) фетвы различных муфтиев по земельным вопросам (изложены в диалогической форме). Первоначально они приводились на полях архетипа, но последующими писцами были включены в текст. 1-ая часть, в свою очередь, дробится на след. три: 1) «Новая подробная книга о боснийских лива», написанная Мустафой-ибн-Ахмедом (ум. 973 г. х.) для Сулеймана Великолепного (стр. 2—17), 2) текст боснийца Мехмеда-эфенди, писца при шейх-уль-исламе Яхья-эфенди; заглавие отрывка — «О земельном положении» (стр. 18—29), 3) новые законы 1047 г. х. (= 1637) о боснийских лива. Основное ядро сборника (1-й отрывок 1-ой части) довольно легко выделяется от позднейших интерполяций. Содержание сборника — вопросы наследственного права и права «тапу». Интересно, что, редактируя земельный кодекс для Боснии, турки считались с местными традициями, благодаря чему в кодекс попали реминисценции из боснийского обычного права.¹ В заключение исследователь дает текст памятника (26 стр. турецкого шрифта по формату Гласника) и хорватский перевод к нему.

Работа В. Поповића «Задруга» (*Die Hauskommunion*) (XXXII, 1920), интересная по своим бытовым и этнографическим подробностям, открывает собою новый цикл. Сюда же относятся: Kalinović «*Nešto o narodnom pražnovjerju i lječenju u Muhamedanovaca u Bosni*» (X, 503), где сообщены интересные турецкие народные приметы и народные рецепты от разных болезней, Драгичевић «Гатке босанске млађарије» (т. XIX), где даются образцы гаданий по арабским цифрам, Леополд Глак «Хамајлије и записи у народном љекарству Босне и Херцеговине» (II, 1890, стр. 45 сл.), где даны образцы гаданий и описаны мусульманские талисманы, К. Нörmann «*Kumstvo u Muhamedanovaca*» (I, 1889, стр. 36 сл.) и др.

Вопросы палеографии должны были разрабатываться уже потому, что все изыскания боснийской школы основывались на документах. Этим занимался Ѓ. Truhelka: 1) «*Bosančica. Prinos bosanskoj paleografiji*» (I, 1889, стр. 65 сл.), 2) названные выше «*Tursko-slovjenske spomenici dubrovačke arhive*» (XXIII, стр. 1 сл.), 3) «*Bosanicom pisani turski tekstovi*», о которых несколько ниже. Почти каждое исследование, дававшее текст или перевод документов, сопровождалось описанием рукописей, и из этих разрозненных данных можно было бы уже составить сводку о рукописном

¹ Подробнее об этом в моей рецензии, составленной в 1924 г. для очередного № журнала «*Анналы*», который с тех пор еще не вышел в свет.

фонде музея и отдельных боснийских туркологов. В отношении частных собраний особого внимания заслуживает коллекция Башагича,¹ описанная им в т. XXVIII, ч. 3—4 под заглавием «Popis orientalnih rukopisa moje biblioteke». Здесь охарактеризовано 349 арабских, персидских и турецких рукописей частного собрания автора, которое до того времени было неизвестно в науке, как неизвестен рукописный фонд музейной библиотеки и сараевской мечети Гази-Хусрев-бега, каталоги коих автор намерен впоследствии опубликовать. Наиболее древняя часть коллекции перешла к автору из сожженной в 1830 г. библиотеки некоего Реджа-паши, собирателя старинных манускриптов; остальная, большая часть, приобретена позднее у частных лиц. Большинство рукописей хорошей сохранности. Арабские и персидские произведения являются обычно в копиях и переводах, турецкие — нередко автографы. Что касается даты, то арабско-персидские списки по большей части одновременны с чисто турецкими рукописями; последние, по состоянию османско-турецкой палеографии, могут считаться довольно ранними (XV, XVI в.). Наиболее ценными в своем собрании автор считает то, без чего нельзя построить истории мусульманской Боснии, а также ряд других в роде: كتاب ابي نصر الغارابي في المنطق, затем ادب الكاتب Ибн-Кутейбы, كتاب نادر الوقوع — «jedinstvena zbirka na polju perzijske mistike», как выражается автор. Все собрание разбито на XV отделов (Наука о Коране,² Хадисоведение, О шариате и собрании фетв, Богословие, Молитвы, Мистика, Логика и Философия, Диалектика, Риторика, Поэтика и Метрика, Изящная Литература, История и Биографии, Энциклопедия, Лексикография и Грамматика, Астрономия, Разное). Недостаток места не позволяет говорить здесь о некоторых unicum'ax, кои остались неизвестными Хаджи-Хальфе.

Что касается далее литературы и языка, то здесь мы имеем ряд статей по отдельным вопросам устной народной словесности и художественной литературы. В т. XXVII (1915, стр. 337 сл.) В. Поповић поместил исследование «Из народне књижевности» с подзаголовком 2-й главы «Хороз Кардаш у нашим народним приповијеткама» (стр. 343), что представляет большой интерес для исследователей османского фольклора. Кемуга Sejfuddin на протяжении нескольких выпусков (XX и сл.) дал в переводе все то, что относится к истории Боснии «Iz sejahatname Evlije Ćelebije» по константинопольскому изданию 1315 г. х. (= 1897 г.). В статье Људе-

¹ По сведениям, полученным И. Ю. Крачковским от пражского профессора М. М. Мурко, в настоящее время рукописи Башагича приобретены чехо-словацким правительством.

² Настоящие заглавия представляют перевод с хорватского; в оригинале иногда приводятся также и арабские заглавия, соответствующие хорватским.

вита «Pjesme i napievi iz Bosne i Hercegovine» (XVIII, стр. 183 сл., 354 сл., 439 сл.) найдется также много интересных данных по фольклору. В т. XXXI, стр. 165 сл. Башагич дал в переводе «Nizam ul alem», сочинение некоего Hasan Ćafi Pruščak'a (род. в 1544, ум. 1616). Произведение написано в 1595 г. и удостоилось награды со стороны султана Мехмеда III-го. Произведение — дидактического характера; прототипом его Башагич считает نصيحة الملوك Газали. Но в Nizam ul alem дано не только поучение, но и обличение — критика современной турецкой общественности. Совершенно особое место занимает по оригинальной теме и тщательности ее выполнения монография того же Башагича «Vošnjaci i Hercegovci u islamskoj književnosti» (XXIV, 1912, стр. 1 сл.). Здесь даются биографии мало известных мусульманских писателей боснийского происхождения, тексты и переводы их отдельных отрывков. В конце приложен список авторов и их произведений, что облегчает пользование этой, единственной в туркологической литературе, статьей. Обильные турецкие термины объяснены в особом указателе. Подобные же указатели имеются и во многих других статьях Гласника, что при общей сводке дает любопытный материал не только по османской диалектологии, но отчасти и по истории османского языка. Пока мы имеем в этом отношении только статью Поповића «Памучинова збирка турцизама» (XXII, 173 сл.). Отдельные фонетические черты османского языка в их истории отражают все изданные документы, имеющие дату. Совокупность этих черт заставляет предположить, что в Боснии в Средние Века действовали особые турецкие диалектические группы, отличные от константинопольского говора. Исчерпывающий материал по данному вопросу мог бы послужить к уточнению в классификации южно-турецких языков и в частности османского с его диалектами. В этом отношении показательна статья Трухелка «Bosanicom pisani turski tekstovi» (XXVI), где издана по музейному оригиналу датированная турецкая рукопись 1590 г., написанная особым боснийским шрифтом (bosanicom). Судя по закону сербо-хорватского Anlaut'a (к' > ħ и г' > в), отражавшемуся и на передаче османских слов, можно сделать вывод (пока в гипотетической форме) о том, что боснийцы имели дело с особым османским диалектом, имевшем в Anlaut'e глухие «к» и «т» вм. нормальных звонких.¹ Из лингвистической же области боснийских туркологов всегда интересовал вопрос о синкретизме языков (османского и славянских); вопрос этот, осложненный данными о социальной дифференциации языковых фактов, разработан в интересной статье «Баналашки (руднички, дунђерски) језик», где

¹ Подробнее об этом говорится в моем (ненапечатанном) докладе, который был сделан в 1924 г. в Московской Восточной Секции Научно-Исследовательского Института.

говорится об особом «плотничьем» языке, включающем в себя много албанизмов и турцизмов (XII, стр. 587 сл.).

Приведенный перечень статей не может, конечно, заменить той яркой картины, которую получает ориенталист при чтении оригиналов. В настоящее время боснийская школа настолько окрепла в своих традициях и настолько определила свои индивидуальные черты, что всякий будущий историк османистики обязан отвести ей место в своем исследовании. Можно сказать даже, что в некоторых отношениях боснийская школа стоит выше, чем все другие школы, разрабатывающие османскую филологию, этнографию и археологию. Ни одна из них не связана так тесно с живым материалом османской культуры, ни одна из них не сроднилась так с реликвиями османского быта, как боснийская школа. Неисчерпаемый сырой материал позволяет ей не зависеть от других школ в смысле объекта изучения, хотя, с другой стороны, это, быть-может, объясняет ее слабую связь с общей туркологией, штудирующей и другие турецкие наречия, кроме османского. Общий принцип ее работы — территориальный: в настоящее время она изучает османскую культуру в преломлении боснийской истории, но изучает эту культуру во *всей* ее широте, а не только язык и литературу, как это делается в других туркологических центрах. Таким образом концентрация объекта исследования, его намеренное сужение, позволяет здесь расширить методологические рамки, что в руках исследователей, воспитанных на немецкой науке, не представляет опасности. Боснийская школа есть не только школа туркологов-лингвистов, но — и, быть-может, это единственный в мире пример — школа туркологов-юристов, археологов, нумизматов и искусствоведов. Отдельные работы Трухелка, Хермана, Башагича, Мудеризовича заняли бы почетное место в любой национальной туркологической школе. Когда обильный сырой материал боснийской туркологии будет до известной степени систематизирован и от анализа можно будет хотя бы частично перейти к синтезу, тогда боснийская школа туркологов автоматически войдет в контакт со своими коллегами по общей специальности для общей классификации общего материала. Тогда и встанет во всю широту вопрос о дифференциации туркологических дисциплин боснийской школы, ныне связанной территориальным принципом объекта изучения. А пока Zemalski Muzej u Bosni i Hercegovini, опубликовавшая фактический материал своих работ, будет с честью истолковывать отдельные уголки того туркологического музея (Боснии), сердцем которого он является.

Н. Дмитриев.